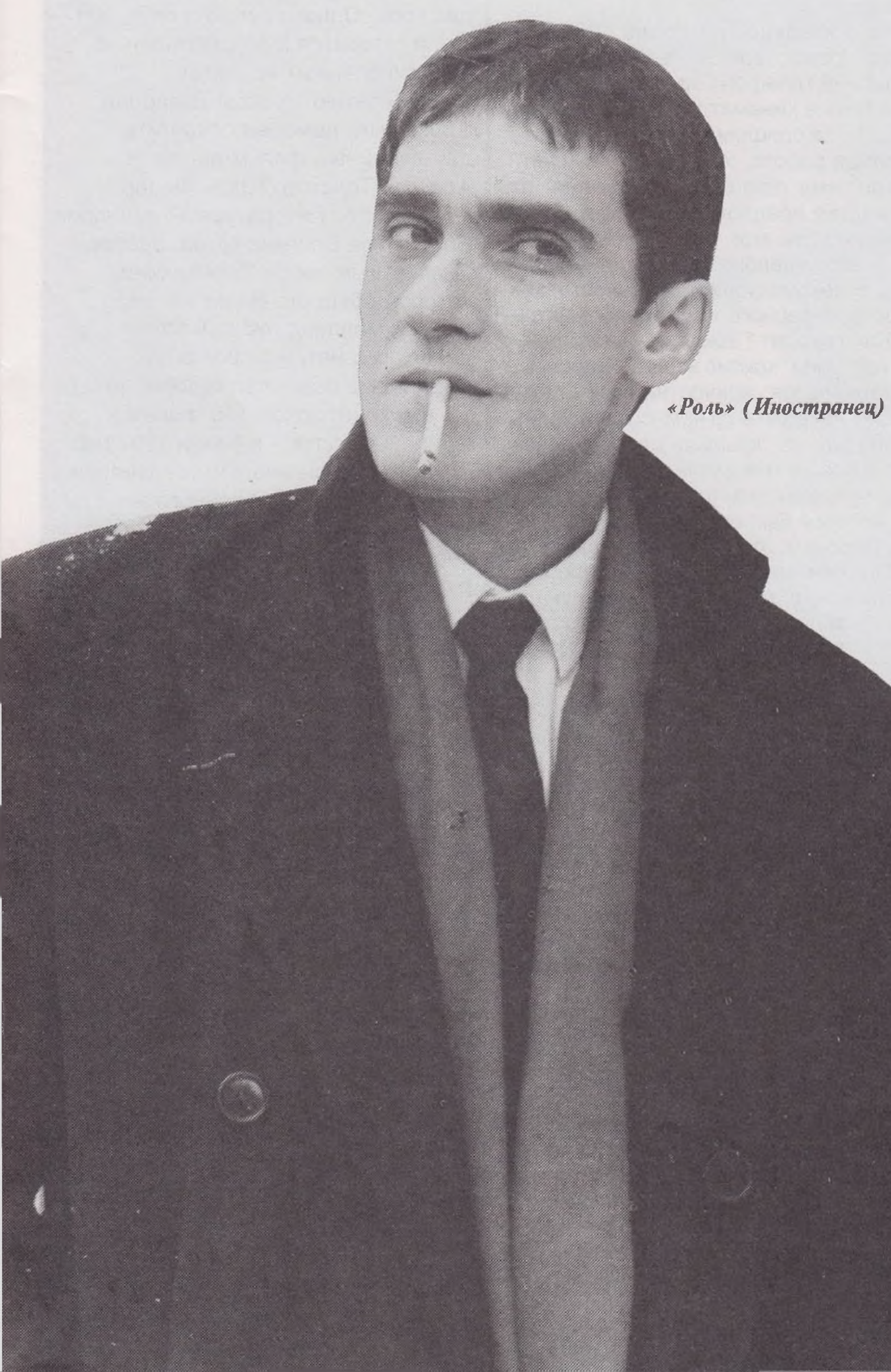
СУДЬБЫ актеров иногда замечательно иллюстрируются названиями фильмов, в которых они снимаются. По этому поводу можно сколько угодно иронизировать, но нередко это так. Для кого-то жизнь – патриотическая комедия. В этом смысле все, что происходило с Валерием Гаркалиным на протяжении двух последних десятилетий, – сплошное ширли-мырли. Без всяких кавычек.

В благополучные времена быть ему звездой из звезд – с открытками в газетных киосках, с глянцевыми фото на журнальных обложках. Может быть, после премьеры "Ширли-мырли", где Гаркалин играет сразу четыре роли, слава к нему и придет – во всяком случае, создатели картины, да и понимающие толк в прокатном деле специалисты рассчитывают на нее как на последний довод в борьбе за покинувшего кинотеатры зрителя. Но раньше-то, раньше-то... Был мощный, острый как бритва боевик "Катала" – первая гаркалинская роль в кино. Герой непростой, но благородный, даром что карточный шулер. Однако картина Сергея Бодрова вышла как раз тогда, когда наши фильмы исчезли из наших кинотеатров. Был телесериал Леонида Белозоровича "Белые одежды", где Гаркалин играл главную роль и на протяжении семи серий переходил из кадра в кадр. Но опять же прошли времена, когда телевизионный фильм в один вечер делал человека знаменитым. Его Федора Дежкина вроде заметили, даже запомнили, но все-таки не выделили из общего ряда. И звездой он тогда так и не стал.

Впрочем, не в звездах, которые у нас давно уже никто не зажигает, дело. Судьба Гаркалина нетипична, хотя бы потому, что первыми его партнерами на сцене были... куклы.

Больше десяти лет его актерской жизни прошли в кукольном театре. Сначала в труппе "Люди и куклы" (выпускной курс Гнесинского училища добровольно отказался от заманчивых предложений и в полном составе отправился в Кемерово делать свой, ни на что не похожий театр), потом – у Сергея Образцова. В обоих случаях спектакли строились таким образом, что актеры работали не только за ширмой, но и на сцене вместе с куклами.

ЖИЗНЬ – ЭТО ШИРЛИ, А ТАКЖЕ И МЫРЛИ...



«Роль» (Иностранец)

В конце концов все то, что он играл потом – в кино ли, на сцене ли московского театра Сатиры – было продолжением кукольного маскарада. Гаркалин – актер острой маски. Скорее играющий, чем проживающий. Лицедейское начало в нем живет и побеждает. Может быть, без этого вчерашнего кукольного опыта не было бы сегодняшнего "Ширли–мырли" с его бесконечной чехардой меняющихся масок братьев–близнецов – вора Васи Кроликова, музыканта Иннокентия Шниперсона, цыганского барона Романа Алмазова и негра–стюарда Патрика...

– Наверное, в самом деле есть какая–то невидимая миру связь от картины "Ширли–мырли" к кукольному театру. Я не знаю, как сыграл бы эти роли, если бы не тот опыт. Потому что и Хаит (руководитель театра "Люди и куклы". – А.К.), и Образцов учили нас, что кукла – застывшая маска. Раз и навсегда застывший характер в самом остром своем проявлении. Это лицо уже не может быть человеческим – ведь человек разный, в течение одной секунды может пережить великое множество эмоциональных состояний. И они отражаются на его лице. Мгновение неостановимо. А в кукле всегда есть острая остановка мгновения, фиксация одной самой яркой черты характера.

Так вот в "Ширли–мырли" мне как раз и нужно было выявить у каждого из моих персонажей одну, но главную страсть. Конечно, там речь шла не столько об исследовании характеров, сколько о столкновении системы взглядов.

Параллельно с "Ширли–мырли" в театре Сатиры Валентин Плучек репетировал и выпускал "Укрощение строптивой" – еще один гаркалинский бенефис, где его Петруччо (в противоположность большинству известных классических трактовок) становится главным героем спектакля, эпицентром сценического взрыва. Можно сказать, что ему на этот раз здорово повезло. Во времена патологической чернухи удалось счастливо прожить год в безумноватом, но веселом ритме переключения с одной комедии на другую, с высокого шекспировского оптимизма на меньшовскую чертовщину, какими бы полярно разными они не казались.

– Здесь я впервые встретился с Шекспиром. И дело не в том, комедия это или трагедия. Шекспир – чистый, ничем не замутненный жанр. Соединение жанров, трагикомедии, лирические комедии и прочее подобное – это все отличительные приметы нашей эпохи,

когда жизнь стала диктовать нам свои приметы в искусстве. Шекспиру никогда бы и в голову не пришло написать, скажем, трагикомедию, где действовали бы Гамлет и Петруччо одновременно. Это было время, когда тьма была отдельно от света, комедия – от трагедии. Мухи отдельно, котлеты отдельно.

Когда я "вошел" в жанр высочайшей комедии, мне это очень помогало ежедневно опускаться в разножанровицу "Ширли-мырли". Парадокс: вроде бы должен был бы запутаться, а мне жилось от совмещения легче...

Вот и еще одно ширли-мырли, так преследующее Гаркалина в последние годы. Абсолютное смешение всего и вся. Фарсовой и высокой комедии. Театра и кино. Супергротеска и суперреальности. Мощного актерского обаяния и абсолютно незвездной внешности. Ощущения высоты и полета от гаркалинских ролей и невысокого роста в сочетании с полным отсутствием премьерства.

Одно бесспорно: он – комедийный актер, хотя играть может любые жанры, равно как и их отсутствие. Он не видит в этом ничего зазорного, предосудительного, стыдного для серьезного артиста. "*Моя задача – смешить публику, пусть сегодня это и звучит глупо*", – говорит он, подчеркивая, что в кино смешить несравнимо труднее, чем в театре. Смешить вообще сложно, но в театре всегда есть автор, драматург, за которого можно спрятаться, он актеру – спаситель и отец родной. В кино комедианту прятаться практически не за кого. Именно поэтому, может быть, великие трагики рождались театром, а великие комики – кинематографом. Собственно, кино и началось-то по сути

с великого комического актера. С Чаплина.

Удивительно, но после "Ширли-мырли" режиссеры пока не обрывают домашний телефон Гаркалина и не зовут в новые кинематографические походы. То ли слишком долгой была предыдущая работа, когда ради "Ширли-мырли" ему пришлось отказаться от множества предложений, о которых в прежние годы мог только мечтать. То ли ничего веселого не находят режиссеры в некомедийной реальности для острохарактерного комедийного актера. Как говорит Гаркалин, у него сейчас наступил "кризис жанра". Впрочем, оговаривается: искусственный – ему самому тоже хочется немного отдохнуть и полетать на "крыльях славы", поездить с новым фильмом по премьерам, чуть-чуть отведать той самой звездности, которой был всегда начисто обделен. Впрочем, это наверняка ненадолго. Подлинные гаркалинские ширли-мырли явно впереди. Его киноклоунада только-только начинается.

Александр КОЛБОВСКИЙ

Кадры из фильма «Ширли-мырли»